

Выжившая в тайге

О книге Виктории Габышевой «Карина. 12 дней в тайге»

«То, что четырёхлетний ребёнок выжил в одиночестве, без пищи, в предосеннем холоде якутской тайги двенадцать (!!!) дней, не назвать иначе, как чудом!» — писали о случившемся в Якутии в августе 2014 года почти все информационные агентства.

Затерявшуюся в глухих таёжных зарослях маленькую девочку, которой тогда было всего три года и шесть месяцев, искали свыше ста человек, среди них были спасатели, сотрудники МВД, волонтеры, лётчики... Они искали её и на земле, и с воздуха. А когда наконец нашли, девочка оказалась почти совсем раздета — её резиновые сапожки утонули где-то в болоте, курточка потерялась, а сама она была в одних только колготках и футболочке.

«Она просто физически не могла продержаться почти две недели в таких экстремальных условиях, — удивлялись обнаружившие её в тайге спасатели, — ведь по ночам температура воздуха опускалась ниже нуля градусов!».

Немалую роль в счастливом спасении девочки во время её непростых приключений сыграл увязавший вместе с ней щенок по кличке Найда, который согрел её по ночам от холода и был своеобразным «собеседником», помогавшим сохранять присутствие духа. Вокруг девочки бродили по тайге дикие звери, но одинокую малышку они трогать не стали. А может, в этом проявила себя самая настоящая мистика, и её оберегали от таёжных обитателей духи

оказавшегося на её пути древнего захоронения?

Как это ни удивительно, но на поиски блуждавшей по тайге Карины Чикитовой ушло целых двенадцать дней, и это нельзя назвать ничем другим, кроме как настоящим чудом. Об этом и написала свою замечательную повесть молодая писательница и журналистка Виктория Габышева, а выпустило в свет эту захватывающую книгу известное якутское издательство «Бичик».

Николай ПЕРЕЯСЛОВ

Кажется, это невероятно, но...

...В далёкой от цивилизации деревушке Олом, в трёх более или менее пригодных для жилья домах доживают свой век восемь стариков. Районный центр — город Олёкминск — находится в ста десяти километрах от Олома. О чём-нибудь нездоровье или происшествии не сообщают — нет там ни

телефонной связи, ни дорожного сообщения. Жилища заброшены, в поросших кустами дворах торчат покосившиеся коновязи да темнеют ямины от провалившихся строений. А ведь когда-то Олом был большой деревней...

Никто, возможно, так и не узнал бы о едва теплящемся существовании селеньица, если бы не событие, взволновавшее весь мир.

Карина с мамой жила в селе Кяччи, посещала детский сад, а на лето её увозили к

прабабушке и прадедушке в Олом. Во вторник 29 июля 2014 года ничего не предвещало беды. Мама была занята на сенокосе, старенькая бабушка уснула после обеда. Папа, живущий в ближайшем селе, собиравшийся в этот день забрать дочку на несколько дней, но, едва встретившись с девочкой, уехал без неё — его срочно командировали тушить лесной пожар. В сопровождении щенка девочка вышла со двора и исчезла в неизвестном направлении...

Мама с дедом и бабушкой решили, что она уехала с отцом, и собачку с собой взяла. Спихватились поздно. О пропаже стало известно лишь на четвёртые сутки, когда папа приехал за Кариной после тушения пожара...

На двенадцатые сутки девочку нашёл волонтер Артём Борисов. Через некоторое время медаль за спасение ребёнка ему вручили в армии перед строем.

Сложно представить, что испытывала она ночью в одних колготках и футболке, тогда как даже тепло одетые мужчины зябли в спальных мешках. К тому же отгрохотала сильнейшая гроза, после неё часто накрапывали дожди...

Из книги «Карина. 12 дней в тайге»

В поисках утраченной интуиции

О романе Николая Русу «Седьмое чувство»

Охватывая временной период с 1986 по 2009 годы постсоветского пространства — Ереван, Киев, Москва, Кишинёв, Душанбе — книга показывает ключевые события эпохи (развал советского государства, Великое национальное собрание, глобализация) сквозь судьбы «маленьких» людей

«Седьмое чувство» Николая Русу повествует ещё и об утрате всяческих иллюзий, о человеческой покорности перед лицом судьбы и истории.

Не приходится сомневаться, что множество образов, намёков и деталей романа будут более понятны, скорее, читателям поколения времен «великого раскола», в памяти которых ещё живы полные романтического энтузиазма картины политической жизни 90-х годов.

В Молдове этот энтузиазм был естественным продолжением художественных и гражданских идеалов, нашедших свое отражение в творчестве многих поэтов того периода.

Однако для более молодых читателей персонажи романа «Седьмое чувство» — всего лишь литературные проекции, посредством которых автор, сохраняя в отношении к прошлому необходимую дистанцию, сумел передать дух смутной и тревожной эпохи. Этим объясняется и своеобразие донкихотствующих персонажей книги, носителей всевозможных социальных фобий и комплексов, взращённых в условиях советского тоталитаризма, персонажей, вмещающих в себе мечтателей и бунтарей, переживающих крушение своих надежд и идеалов, пытающихся проникнуть в суть происходящих вокруг них процессов.

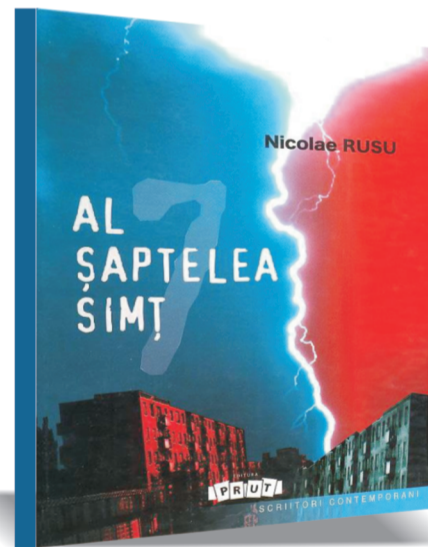
В романе «Седьмое чувство» выводится целая галерея «заблудших» персонажей, «мутантов» или «монстров» в человеческом облики, утративших память о своих национальных и духовных корнях. Этот социальный тип представлен в книге «бывшей коммунистической номенклатурой», живучей и приспосабливающейся к новым условиям: «Мне кажется, что их

правильнее было бы называть номен-клантурой», — говорит протагонист романа. «Они сохранили свои прежние „нравы“ и свое прежнее своеобразие», «изворотливые и ищущие собственной выгоды, они поднялись на волне национального освободительного движения, продвигая вверх людей своего круга».

Более обыденным, но не менее характерным примером типичного homo soveticus является персонаж по имени Машенька, жизненная философия которой — «рыба ищет, где глубже, а человек — где лучше». То, что для её подруги Лиры (персонажа по своему раздвоенного и отчуждённого: её называют «русской» в Румынии и «румункой» в Бессарабии) является идеалом (возращение на историческую родину, в Румынию), для Машеньки — лишь средство для извлечения выгоды.

Смена ценностных ориентиров в современном мышлении показан автором в разговоре Валентина Рару (являющегося в романе своего рода мерой исторической памяти и ангажированности, точкой соприкосновения прошлого и будущего) со студентом по имени Аргур: «Не без грусти Валентин поймал себя на мысли о том, что молодой человек, высколбленный в ведущих научных центрах мира, превратился — скорее всего, незаметно для себя — в гражданина мира».

Валентин Рару, однако, идёт другим путём: он убеждён, что после переплавки в «советском тигле» (метафора глобализации советского образца) пришло время обрести свою «глубинную родину», следы которой можно ещё отыскать в творчестве национальных писателей, композиторов, художников. Основную свою миссию он видит в

слоновой кости, не уходит от действительности, но оказывается в самом эпицентре политических и общественных событий 90-х годов.

Показательна в этом смысле и его попытка собрать воображаемый аппарат интуиции (отсюда и мотив «седьмого чувства») на фоне распада советского государства.

Загоревшись поначалу возможностью этого фантастического изобретения, со временем Валентин Рару «теряет интерес к аппарату интуиции, который, конечно же, мог быть всего лишь плодом больного воображения безумца». Когда разочарование в окружающей действительности становится главным итогом жизни протагониста, его инженерные иллюзии и надежды тоже превращаются в дым.

Не менее иронично и завершение всех поисков и надежд, когда, уже под конец романа, протагонист вдруг узнаёт, что вся история с загадочным аппаратом интуиции была ничем иным как насмешливой затеей вездесущих и всемогущих секретных служб. Мир романа «Седьмое чувство» делится на две части: на мир видимый (лежащий на поверхности) и невидимый (скрытый от глаз большинства), на мир «ангелов» и «демонов», «марионеток» и «кукловодов», бунтарей-идеалистов и тех, кто «прогнулся» под ударами судьбы.

Стоит упомянуть и попытку автора иначе представить Россию (далеко не похожую на оруэлловского «большого брата») и русский народ (показываемый с позиции духовного братства), в общении с которыми персонажи пытаются освободиться от навязанных историей комплексов и взаимных упреков.

Иван ПИЛКИН